

БАРОНЕССА ЭММА ОРЧИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ
СПАСИТЕЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Baroness Emma Orczy
LORD TONY'S WIFE

Перевод с английского *Т. А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
AP Watt Limited и The Van Lear Agency.

Орчи Эмма, баронесса.

О-70 Неизвестный спаситель : [роман] / Баронесса Эмма
Орчи ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2015. — 320 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-090203-3

Ивонна, дочь герцога де Керноана, влюблена в англичанина лорда Энтони Дьюгерста. Отец против этого брака, но влюбленные решают соединиться вопреки воле отца. Ивонна тайком бежит из дома, но отцу удается перехватить ее с помощью верных людей. Знал бы он, кто эти верные люди!

Отца и дочь хитростью и обманом возвращают во Францию, где свирепствует Террор, — возвращают на верную гибель. Так бы и сложили они головы на плахе, если бы не Алый Первоцвет. За ним идет постоянная охота. А он, рискуя жизнью, спасает людей от кровавой бойни. И как всегда, ему с блеском удается обвести вокруг пальца своего главного врага.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-090203-3 © Sara Orczy-Barstow Brown, 1865—1947
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ПРОЛОГ

Нант, 1789 год

Глава 1

Зловещее молчание воцарилось среди парней и мужчин, сидевших в узкой длинной комнате трактира «Три добродетели», когда кто-то принес известие, что их деревенский житель Энтонн Мелён приговорен к смерти и завтра будет повешен.

— Тиран! Тиран! Тиран! — завопил Пьер, и такая страсть была написана на лице, такая сила крылась в медленно и конвульсивно сжимавшихся, словно душивших ядовитую гадину пальцах, что человек в потрепанном пальто и потертых штанах, припустившийся на центральном столе и донимавший компанию рассуждениями о правах человека, замолчал и оглядел Пьера, почти опасаясь свирепого пламени ненависти, звучащей в его словах.

Тишина, однако, длилась всего несколько мгновений. Пьер вскочил, и крик, подобный реву быка, ведомого на бойню, вырвался из его груди.

— Во имя Господа! — закричал он, — прекратим эту бессмысленную болтовню! Неужели мы недостаточно поработали языками, успокаивая нашу скулящую совесть?! Пришло время ударить, друзья мои, ударить по проклятым аристократам, сде-

лавшим нас теми, кто мы есть: невежественными, жалкими, забытыми, безмозглыми болванами, годными только на то, чтобы трудиться, стирая пальцы до костей, чтобы они могли купаться в роскоши и наслаждениях. Ударим, говорю я!

Глаза его сверкали, дыхание со свистом вырывалось из груди.

— Восстанем, как восстали парижане в тот великий июльский день. Для них Бастилия была символом тирании, и они атаковали ее, и тиран струсил, отступил, стал выставлять условия... испугался людского гнева! Вот что случилось в Париже! Замок герцога Керноана — вот наша Бастилия! Вот что должно случиться в Нанте! Давайте нападём сегодня же ночью, и если наглый аристократ будет сопротивляться, сровняем его дом с землей! Атакуем под покровом темноты! Обо всем договорено. Соседи готовы. Вперед!

В подтверждение своих слов он с силой опустил на стол тяжелый кулак, так что задребезжали кружки и бутылки.

Его энтузиазм воспламенил слушателей: ненависть и жажда мести за пять минут сделали больше, чем все тирады агитаторов, присланных из Парижа, чтобы вдолбить революционные идеи в туго соображающие головы деревенских парней.

— Кто подаст сигнал? — тихо осведомился один из мужчин постарше.

— Я! — прорычал Пьер и устремился к двери.

Остальные вскочили, готовые последовать за ним, вовлеченные в безумную авантюру силой жгу-

чей страсти одного человека. Они шли за Пьером как овцы. Овцы, на какое-то мгновение ставшие волками, — воистину странное зрелище, — а человек в потрепанном пальто, с неподдельным интересом наблюдавший за происходившим, произнес:
— И все это произошло из-за пары голубей.

Эпизод с парой голубей был, однако, лишь поводом.

В сердцах деревенских жителей уже более полувека тлела ненависть к аристократам, и только за последнее десятилетие могла загореться кострами бунта.

Случилось так, что колесник Энтонн Мелён, собиравшийся жениться на сестре Пьера Луизе, поймал пару голубей в лесах герцога Керноана. Голуби были ему не нужны, но таким образом он хотел заявить о своих правах на то, что, он считал, дано ему самой природой.

Энтонн был беден, как и другие крестьяне на много миль вокруг. Он платил налоги и пошлины, пока каждый су прибыли, получаемой от маленького земельного участка, не оседал в карманах сборщиков, в то время как герцог вообще ничего не платил в пользу государства. Энтонну приходилось жить на то, что оставалось от урожая ржи и пшеницы, не говоря уж о том, что голуби герцога вволю клевали зерно на его поле.

Энтонн Мелён не собирался есть пойманных голубей, но он желал дать понять герцогу, что лесные животные и птицы не должны быть собст-

венностью одного человека, которому судьба благоволит больше, чем другим. Поэтому он поймал и убил двух голубей, а главный управляющий герцога застал его, когда он нес голубей домой.

Неудивительно, что он был арестован за воровство и браконьерство. Его судили в Нанте. Председателем был герцог Керноан, и как раз в то самое время, когда мужчина в потрепанном пальто разъяснял толпе деревенских парней, собравшихся в трактире «Три добродетели», их человеческие и гражданские права, кто-то и сообщил о грозившей Энтонну Мелёну смерти.

Новость о судьбе Энтонна оказалась тем сигналом, который собрал всех овец в человеческом облике вокруг вожака. Ибо Пьер, что совершенно естественно, стал их вожаком; его ненависть к герцогу была более ощутимой, более мощной, чем их собственная. Кроме того, он был более образованным. Его отец, мельник Жан Аде, посылал сына в нантскую школу, и когда Пьер вернулся, кюре деревушки Верту заинтересовался мальчиком и обучил всему, что знал сам, — хотя знания были весьма поверхностными, особенно в области философии и литературы. Но позже Пьер пристрастился к сочинениям Жан Жака Руссо и вскоре знал «Общественный договор» почти наизусть. Кроме того, он читал книгу Марата «Цепи рабства» и, подобно колесному мастеру Энтонну Мелёну, вбил себе в голову, что Бог не мог устроить жизнь людей так, чтобы одни голодали, а другие наслаждались всеми земными радостями.

Однако он не говорил на эти темы ни с отцом, ни с сестрой, ни с кюре, хотя много размышлял над этим, и когда цена хлеба поднялась до четырех су, шепотом посылал проклятия герцогу Керноану, а когда цены взлетели до небес и провинции стал угрожать голод, проклятия обернулись угрозами, и к тому времени, когда в Верту хлеб стал роскошью, ярость против герцога превратилась в свирепую ненависть против всех аристократов.

Все же Пьер по-прежнему не откровенничал с отцом, матерью или сестрой. Но старый Жан давно следил за грозowymi облаками, собиравшимися на хмуром челе сына. Слышал приглушенные проклятия, слетавшие с губ Пьера, когда тот работал на господина, которого ненавидел. Но Жан был человеком здравомыслящим и знал, как бессмысленно пытаться слабеющей рукой остановить наводнение. Знал, как бесполезны мудрые слова старого человека, старающегося урезонить воинственный дух молодого.

Жан продолжал наблюдать. Вечер за вечером, после того как работа на ферме была сделана, Пьер уходил в низкую комнату трактира, где собирались деревенские парни, и говорил. Говорил о их нуждах и надменности аристократов, о грехах герцога и его семьи, о злых деяниях короля и распущенности королевы. Мужчины в поношенной одежде приходили к ним из Нанта и даже из Парижа, разглагольствовали перед деревенскими парнями, рассказывая им очередные истории о бедствиях, которые терпят

бедняки, и при этом вбивали в их головы идти раз и навсегда разделаться с теми, кто жирел на плодах их труда и жил в роскоши.

Пьер внимал этим речам всем сердцем. Для него они стали едой и питьем. И постепенно весь его организм охватило безумное желание возмездия, наказания, жажды торжества над теми, кого он считал виновным в человеческих бедах.

И в узкой с низкими потолками комнатке трактира разгоряченные головы деревенских парней то и дело склонялись друг к другу, а вопли и ругательства сменялись шепотом и тихим бормотанием за запертыми дверями и закрытыми ставнями окон. Встречаясь на улицах, мужчины обменивались загадочными приветствиями и странными знаками. По ночам к ним являлись чужаки из соседних деревень. Надсмотрщики герцога как будто ничего не видели, ничего не слышали, ничего не подозревали. А вот кюре видел многое, да и старый Жан догадывался о многом, но оба молчали, поскольку предупреждения ни к чему бы не привели.

Потом разразилась катастрофа.

Глава 2

Пьер открыл входную дверь трактира и вышел на крыльцо. Порыв ветра ударил ему в лицо. Ночь, как сообщают хроники того времени, была темна, хоть глаз выколи. Только в отдалении тускло светились городские огни. Слева угадывалась широ-

кая лента реки, несущей воды к океану; слышались взрывы ломавшихся льдин, странным эхом напоминавшие канонаду.

Пьер решительно шагнул вперед. Маленький отряд молча последовал за ним. Теперь, оказавшись на воздухе, они немного протрезвели, и пары сидра и запах пота больше не туманили зрение и мозги.

Они знали, куда направляется Пьер. Обо всем договорились заранее. Недаром они совещались все прошлое лето в дымной комнате трактира, за закрытыми окнами и дверьми. Теперь оставалось одно — следовать за Пьером, который волей-неволей оказался их предводителем. Они шагали за ним, сунув кулаки в карманы тонких потрепанных штанов, наклонив головы навстречу ветру.

Пьер остановился у мельницы, своего дома, где жил отец и где Луиза, его сестра, уже выплакала все глаза из-за Энтонна, своего жениха, приговоренного к смерти за то, что он осмелился убить двух герцогских голубей.

На задах мельницы стоял жилой домик, а рядом — ферма, поскольку Жан Аде владел небольшим клочком земли и мог бы даже считаться зажиточным, если бы налоги не поглощали весь доход от продажи ржи и сена. Ферма находилась на небольшом холме, возвышавшемся над плоской долиной Луары, и с него открывался живописный вид на дальние деревни.

Пьер обошел мельницу и, не оглядываясь, за-

шагал по узкой дорожке, обсаженной высокими тополями.

Ветер гнул стволы тополей, каждая голая ветка шептала и вздыхала, как от боли. Спутники Пьера молчали. Все промерзли до костей, но, сцепив зубы, шли дальше, и в сердцах кипели гнев и ненависть.

Поднявшись на холм, мужчины нерешительно остановились, пытаясь осмотреться. Но у Пьера, похоже, глаза были как у кошки. Он без единого слова принялся за работу. Большой сарай и россыпи круглых соломенных скирд чернели силуэтами на фоне темного неба.

Пьер повернул к сараю и исчез внутри одного из строений, казавшихся призраками ночи.

Среди тех, кто наблюдал за происходящим, раздался ропот при виде разлетающихся во все стороны искр: Пьер, ударяя огнивом по кремню, пытался зажечь наспех связанный из соломы факел. Скоро солома загорелась, и Пьер опустил факел к земле, так, что пламя едва не обжигало ему руку. Мерцающий свет отбрасывал причудливые тени на его лицо и фигуру. Волосы, сальные и растрепанные, падали на глаза. Оскаленные зубы, освещенные снизу, выглядели неестественно большими, как клыки хищника. Рубашка была разорвана на груди, а рукава куртки закатаны до локтей. Он, казалось, не чувствовал холода из-за жара пылающего факела. Но работал спокойно и размеренно, без всякой спешки и не делал бесполезных движений.

Мрачная решимость открывала возбуждение, которое он испытывал в эту минуту.

Парни, напиравшие сзади, дружно отшатнулись, когда он шагнул вперед с факелом в руке. Они точно знали, что он собирается делать: все было продумано, спланировано, обговорено до мелочей, пока их лишенные воображения умы не осознали абсолютно реально то, что им предстояло. И вот теперь настал великий час, и Пьер с факелом в руке готовился подать сигнал, который разожжет восстание по всей округе. Сердца, казалось, перестали биться. Они задержали дыхание. Их мозолистые руки потянулись к горлу, словно пытаясь унять ужасное удушливое ощущение, так похожее на страх.

Но у Пьера не было подобных колебаний. Если воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы, то лишь потому, что им владело возбуждение голодного зверя, завидевшего добычу и готового наброситься и завладеть ею. Рука не дрожала, шаг был тверд, порывы ветра подхватывали пламя факела, так что искры обжигали его волосы и руки, и хотя остальные старались увернуться, он упорно направлялся к ближайшей копне.

На одну секунду он отвел факел. Теперь все его лицо и фигура выражали триумф победителя. Он глянул в темноту, абсолютно непроницаемую за кругом света. Казалось, он сумеет вырвать из этой чернильной тьмы скрываемые ею тайны: энтузиазм, страсть, ненависть, из которых он, как из со-

ломенной скирды, желал разжечь пламя народного гнева.

— Готовы, друзья мои? — крикнул он.

— Да! Да! — хором ответили они, невесело, но спокойно и едва слышно.

Одно прикосновение факела — и солома стала потрескивать. Порыв ветра подхватил пламя, поползшее по скирде подобно светящемуся питону, обволакивающему жертву своими кольцами. Еще один порыв ветра — и пламя взметнулось на макушку скирды, посылая языки во все стороны, пожирая солому.

Но Пьер не стал дожидаться, пока солома догорит, и мгновенно поджег вторую скирду, потом третью, четвертую... пока шесть полыхавших печей не накалились докрасна, а пламя все извивалось, крутилось, изгибалось и шипело...

Уже через две минуты вся вершина холма пылала, а Пьер, подобно богу огня, с факелом в руке, казалось, дирижировал множеством непрерывно вспыхивающих там и тут, пляшущих огоньков. Теперь возбуждение, жажда уничтожения владели не только им, но и другими.

Вокруг слышались вопли, проклятия, вымученный смех, звучащий невесело, кто-то звал Пьера, кто-то клялся отомстить. Память, подобно злобной ведьме, реяла невидимкой в темноте и касалась каждого взбудораженного мозга рукой, дарящей лихорадку воспоминаний. У каждого в судьбе были свои несправедливости и насилия, и подня-

тые кулаки то и дело грозили в направлении замка Керноанов, огни которого слабо поблескивали за Луарой.

— Смерть тирану! На фонарь аристократов! Пришел час справедливости! Нет — голоду! Нет — угнетению! Равенство! Братство!

Крики, проклятия, потрескивание огня, вой ветра, шорох сухих древесных веток создавали мешанину шумов. Холм на несколько минут представлял собой двойник Брокена, на котором ведьмы и черти справляли шабаш.

— За мной! — крикнул Пьер и, швырнув факел на землю, направился к сараю. Остальные побежали за ним. В сарае находилось то оружие, какое сумели собрать эти нищие крестьяне: серпы, палки, топоры, пилы — все, что могло оказаться полезным при разрушении замка Керноанов и намеченного укрощения герцога и его семьи. Отряд пустился в дорогу. На холме было светло, как днем. В воздухе стояло красное зарево, и даже сильный ветер не сумел его погасить. Каждый стебелек травы, каждый предмет, каждый камень были ясно обрисованы. В свете распространившегося огня каждая рытвина и трещинка, наполненные мутной водой, создавали на земле ожерелье из огненных опалов. За пределами этого сияния царил непроглядный мрак, пропитанный дымом и стиравший все очертания хозяйственных построек и мельницы.

Но Пьер, не обращая внимания на свет и темноту, жар или холод, продолжал спокойно и методич-

но раздавать примитивные орудия уничтожения толпе мужчин, более чем готовых громить и убивать. И при этом находил нужные слова для каждого своего последователя, слова, способные разжечь страсть и жажду мести там, где они еще только дремали, слова, способные превратить тлеющие угли в пылающий костер.

— Для тебя этот серп, Эктор Лебрюн! — говорил он высокому тощему юноше, чьи руки были протянуты к блестящему полумесяцу стали. — Припомни прошлогоднюю жатву, огромный налог, который тебя принудили платить, так что ни один су не попал в твой карман, и твоя мать голодала, пока герцог и его семейство пировали и танцевали, а мешки с зерном топили в Луаре, чтобы хлеб для бедных не подешевел!

Юноша брал серп и отходил в сторону.

— Для тебя эта мотыга, Анри Менье! Не забудь о том, что за новую крышу на твоей хижине, которую ты сделал, чтобы дождь не капал на кровать твоей жены, искалеченной подагрой, сборщик налогов содрал с тебя огромную пошлину.

И Пьер уже тянулся к цветистой палке.

— Это для тебя, Шарль Блан! Помни, как управляющий избил тебя за то, что ты держал ручного кролика для развлечения детей!

Шарль Блан, недобро усмехнувшись, отошел, крепко зажав палку в руке.

— Помните! Помните, друзья мои! — взволнованно говорил он, — помните каждую несправед-

ливость, каждое наказание, каждый удар! Не забывайте о своих лохмотьях и их шелках и бархатах, о корках сухого хлеба и их роскошных обедах, помните о голодающих детях и больных матерях, ваших согбенных женах и измученных работой дочерях! Ничего не забывайте, друзья мои, и, оказавшись у ворот замка Керноанов, требуйте от его надменного владельца ответа за содеянное. Глаз за глаз, око за око!

Оглушительный рев встретил эту речь, серпы и косы, топоры и палки взметнулись в воздух, десятки рук протянулись к Пьеру и сцепились в знак образования нового, мстительного братства.

Глава 3

Именно в этот момент Жан Аде, энергично расталкивая локтями толпу, оказался лицом к лицу с сыном.

— Несчастный! — вскричал он. — Что все это значит? К чему ты их подстрекаешь? Куда вы все идете?

— На Керноан! — раздался хор голосов.

— Вперед, Пьер! Мы за тобой! — нетерпеливо крикнул кто-то.

Но Жан, человек для своих лет еще очень сильный, схватил Пьера за руку и потащил в дальний угол сарая.

— Пьер! — повелительно начал он. — Во имя долга и повиновения родителям, я запрещаю те-